

ГРАНИ
ВЫБОРА

ВЕРА КАМША

VIVE
LE BASILIC!

ИЗБРАННЫЕ
МИРЫ

Вера Викторовна Камша

Vive le basilic!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2453585

Дети Времени всемогущего: Эксмо;

ISBN 978-5-699-51424-3

Аннотация

В этом, очень похожем на Землю мире, великая революция, как и великая империя, успели стать прошлым, хотя выбившийся в императоры капрал не проиграл своей войны и не потерял корону. За него это сделали наследники, и теперь в стране республика, уже третья по счету. Прагматичный девятнадцатый век давно перевалил за середину; паровой двигатель, телеграф, газовое освещение и, само собой, пресса стали неотъемлемой частью жизни. Особенно пресса, на глазах почтеннейшей публики жонглирующая фактами и сплетнями, порождая мифы и легенды новейшего образца. Не бесплатно, само собой – хорошее перо стоит недешево, а Пьер Дюфур – один из лучших. Журналисту велено исправить оплошность коллег и заодно помочь мсье премьеру в борьбе с оппозицией. Дюфур находит изящнейшее решение, и вот уже вся Республика обсуждает проклятие Императора и считает странных ящериц. Ветер посеян, всходов ждать недолго.

Содержание

Vive le basilic! [1]	5
Затянувшаяся погоня	7
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	31
Часть вторая	45
Глава 1	45
Глава 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вера Викторовна Камша

Vive le basilic!

© Камша В.В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Vive le basilic! ¹

«...На аспида и василиска наступишь...»

Пс. 90

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Бурдакова, Ирину Гейнц, Дмитрия Касперовича, Данила Мелинца, Юрия Нерсесова, Ирину Погребецкую и Елену Цыганову².

¹ Все отсылы к классике и событиям теперь уже позапрошлого века на совести автора. Все привязки к событиям дня сегодняшнего и, упаси кто-нибудь, завтрашнего – на совести читателя.

² Автор и его консультанты осведомлены как о том, что звук в вакууме не распространяется, так и о том, что в нашем мире пояс астероидов находится между Марсом и Юпитером, кабилы занимаются земледелием и скотоводством, арабские лошади не горбоносы, галльский петух был символом Второй Республики, etc.

Затянувшаяся погоня

Европейцы, хорошо знающие страну, рассказали мне ещё, что это племя считается одним из самых свирепых и лукавых во всей восточной Африке. Они нападают обыкновенно ночью и вырезают всех без исключения. Проводникам из этого племени довериться нельзя.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ

Часть первая

Глава 1

– Чёрт бы их всех побрал! – с чувством произнёс командуящий Экспедиционным легионом Третьей Республики, глядя в окно на чудовищно грязный и при этом слепящий белизной Алможэд. В лучах утреннего солнца оседлавший прибрежные склоны город с его пальмами, минаретами и старой корсарской крепостью напоминал театральную декорацию не из лучших. Генерал проводил взглядом исчезающую за острым мысом лодчонку и заставил себя вернуться к рабочему столу. Над столом красовалась литография с рассеявшимся на карте Европы полупетухом-полуящером в басконском берете. Перед монстром в оцепенении застыли забавные коронованные фигурки, но генералу казалось, что ядовитый взгляд символа Легиона прикован к брошенному на потёртое сукно синему прямоугольному листку. Правительственной телеграмме.

– Чёрт знает что! – буркнул два дня спустя командир шеатских кокатрисов³ полковник ле Мюйёр. – Совершенно некстати... Что думаете, Анри?

³ Кокатрисы – прозвище легионеров. Происходит от эмблемы Экспедиционного легиона.

Анри Пайё де Мариньи, значившийся в списках Легиона как капитан Анри Пайе, выразительно пожал плечами. Думать, а следовательно, говорить было поздно и бессмысленно, оставалось исполнить приказ и перебить зарвавшихся разбойников. Торговцы и искатели древностей, время от времени исчезающие на дорогах, колониальную администрацию волновали не слишком сильно, но на сей раз грабители оставили без жалованья шесть пограничных фортов. Подобная наглость требовала мер не просто срочных и жёстких, но и заметных из метрополии.

– Вот и я говорю, – заявил почти ничего не сказавший полковник и опять замолчал. Ловить бандитов надлежало местной жандармерии, обращаясь в случае необходимости за помощью в ближайший гарнизон, но «надлежит» отнюдь не равняется «предстоит». Налётчики убрались за Реку, а там территория, числящаяся «своей» разве что формально. И пространства, в которых с непривычки не только никого не поймаешь, но и сам потеряешься. Кто-то умный – найди бы! – посоветовал губернатору обойтись одними военными, губернатор подумал-подумал и решил, что военная экспедиция и впрямь выглядит солидней, но «в столь непростые времена ослаблять границу с алеманскими территориями недальновидно». И вот вам пожалуйста – приграничные курицы остаются на своих яйцах, а в кастрюлю с супом лезут шеатцы. Чёрт знает что!..

– Рассчитывай на два-три месяца. – Полковник развер-

нул карту и достойным матёрого контрабандиста слогом выразил надежду, что рейд удастся завершить к началу сезона дождей. Анри снова пожал плечами: таскаться по саванне под хлещущими с неба потоками ему не улыбалось, но самой экспедиции капитан был скорее рад. Ежедневные занятия на плацу, обе местные кофейни и салон супруги податного инспектора, дамы милой, но навязчивой, давно приелись. Пара месяцев за Рекой внесут в жизнь разнообразие и на какое-то время сделают цивилизацию желанной. Если бы не этот чёртов газетчик...

– И не вздумай позабыть шелкопёра, – ухмыльнулся на прощание полковник. – Знаю я вас.

Своих людей ле Мюйер в самом деле знал.

* * *

Физиономия у капитана Пайе была породистой, и Поль Дюфур весело спросил:

– Не лучше ли называть вас *де* Пайе?

– Нет! – отрезал легионер и попытался обойти журналиста, но «лучшее перо «Бинокля» имел немалый опыт охоты на людей с последующим принуждением добычи если не к откровенности, то к разговору, из которого можно выжать нужное количество строк. Дюфур прислонил трость к искривлённой мимозе и слегка ослабил галстук.

– Держу пари, вам не хочется брать на себя ответствен-

ность за столичного неженку.

– Вы выиграли! – бросил Пайе и попался. Это уже был бутон беседы, который предстояло аккуратно развернуть в розу.

– Стрельба, – принялся перечислять Дюфур, – фехтование или «сапожок», бег и конкур. От плавания по понятным причинам придётся отказаться. Затем я готов вернуться к нашему пари.

– Я с вами не спорил.

– Вы сказали, что я выиграл, эрго, признали правомочность пари. Начнём?

Пайе пожал плечами и без лишних слов зашагал вдоль колючей полуживой изгороди, Дюфур бодро пошёл рядом. Кокатрисский капитан оказался более диковат, нежели любезен, но Поля трудности всегда вводили в азарт. Колониальный вояж начинал журналисту нравиться, хотя отъезд вышел сумбурным, неприятным и неожиданным, по крайней мере для самого Дюфура – патрон и его газетное альтер эго Жоли, само собой, всё знали заранее. Под субботним фельетоном, бившим сразу по радикалам, легитимистам и подкармливающему и тех и других «некоему банкирскому дому», стояла подпись «барон Пардон». Именно так подписывал свои опысы Поль. Стиль тоже был выдержан: Жоли не зря девятый год заведовал отделом политики, при необходимости он сумел бы подделать хоть Библию. Поль, даже будучи изрядно разозлён, не мог не восхититься мастерством, с которым у

читателя создавалось впечатление полной осведомлённости «Бинокля» о подоплёке очередного демарша оппозиции.

– Завтра тебе придётся уехать, – объявил пусть на мгновенье, но онемевшему подчинённому Жоли. – Тольтека или Алможед?

– Вы слишком много читаете наших коллег из «Жизни», – холодно заметил Поль, понимая, что швырять гранки в окно поздно и бессмысленно, – но даже столь «любимый» ими басконский монстр не пожирал своих разоблачителей в день выхода фельетона.

– Император был хотя бы умён, – Жоли привычным жестом срезал кончик сигары, – но патрон оплачивает не твоё спасение, а твоё отсутствие. Временное, само собой.

– А, – догадался Дюфур, – значит, доказательств не существует.

– Их заменят твой отъезд и депутатский запрос. Предполагается, что до соответствующих слушаний ты проживаешь в провинции под чужим именем.

– Неужели будут слушания?

– Это не должно тебя волновать. Когда вернёшься... Кстати, откуда?

– Трансатлантическая авантюра меня не вдохновляет, а в Алможеде должны варить отменный кофе.

– Что ж, «Диана» отплывает в четверг, и не вздумай считать это отпуском. С тебя самое малое цикл репортажей. Экзотика, приключения и необходимость нашего продвижения

в Аксум. Будет неплохо, если ты влезешь в душу к губернатору и доберёшься до алеманского Хабáша. Счастливого пути.

Следующим утром, когда мальчишки, выкрикивая названия утренних газет, разбежались по бульварам, Дюфур сел в курьерский поезд, идущий в Помпеи, где предстояла пересадка на пароход...

Воспоминания о далёком начальстве были прерваны самым беспардонным образом – явно не друживший со словом капитан сунул журналисту свой револьвер.

– Для начала попробуйте это. Стреляли, надеюсь?

– На охоте из ружья и на дуэли из пистолета. Таким оружием пользоваться не доводилось. Тяжеловат... Ого, работа Давима!

Дуэльные пистолеты «от Давима» были популярны, даже, можно сказать, модны, но Пайе разговора опять не поддержал, оставалось сделать вывод, что новый знакомый не терпит светских бесед. Отношение капитана к беседам несветским ещё предстояло прояснить, но для таковых требуется повод, вот его и создадим. Дюфур поднял руку, целясь в один из деревянных щитов, выстроившихся вдоль избитой пулями глинобитной стены.

Пятнадцать шагов, первые два выстрела – мимо, слишком тугой спуск, и револьвер сильно дёргается. Понятно, учтём. Следующие три пули пошли лучше, в силуэт, по крайней мере, он попал.

– Что ж, любезный месье, – сказал Поль револьверу, – вот и познакомились.

Последний выстрел пришёлся почти в центр «груди» мишени.

– Надеюсь, с лошадыю управитесь не хуже. – На зрителей – двоих лейтенантов и снявшего мундир пузатого господина – Пайе даже не покосился. – Пойдёмте.

– А вы разве не покажете, на что по-настоящему способно это творение мэтра Давима?

– Позже и не здесь. – Капитан неторопливо убрал оружие. С такой внешностью и манерами он был обречён на успех у женщин, а при хорошей голове успех у женщин – это вообще успех. – Советую вам пойти и лечь. Тут выезжают за два часа до рассвета.

– Я прочёл «Письма из Алможеда», – успокоил Дюфур. – Полковник говорил о каких-то разбойниках...

– Именно о «каких-то». О неизвестной нам шайке, которая разгромила конвой с жалованьем южным фортам.

– Это может заинтересовать читателей.

– Сейчас это интересует нас. Ну и губернатора, естественно. Полтора десятка бывалых ребят, пара чиновников из казначейства, туземные слуги... Вы представляете себе здешние дороги?

– Вроде бы, – припомнил газетчик, залюбовавшись колоритным старцем из местных, – здесь путешествуют по руслам сухих рек.

– Там, где они есть. За Шеатским перевалом тракт довольно прямой, и на нём имеется несколько мостов через трещины в земле. Один такой мост не выдержал, и караван оказался разделён. Те, кто остался на нашей стороне, повернули вдоль обрыва к следующему мосту, переправившиеся продолжили свой путь. Они собирались встретиться в ближайшей деревне, но до цели добрались только отставшие. Начались поиски, нашли трупы, причём, и это самое странное, не все, да и те далеко друг от друга. Место схватки, если схватка вообще была, обнаружить не удалось. Отыскалась только драная тряпка с пятнами крови – похоже, кинжал вытирали... Следы лошадей вели к Реке, налётчики переправились через неё примерно посередине между двумя форпостами и вместе с добычей ушли в саванну.

– И часто тут у вас такое?

– Такое – нет. Каби́лы народ решительный, но обычно они шалят на севере, поближе к своим землям, чтобы быстро удрать, если прижмём. Местные, гарра́хи, больше по части воровства, а если и грабят, то своих. С нами связываться опасаются уже лет десять.

Журналист понимающе кивнул. Генерал, к которому репортёр явился за пропуском, был гостеприимен, словоохотлив и явно желал видеть свой портрет в близкой к премьеру газете. За обедом радушный хозяин поведал о давнем налёте на кофейные плантации, при котором пострадали не только работавшие там туземцы, но и управляющий с охраной.

Опьянённые успехом и листьями какого-то местного дерева налётчики не успокоились и разгромили ближайший форпост Легиона. Легион ответил, местные запомнили надолго.

– Оснований думать, что уцелевшие охранники... не вполне откровенны с властями, нет?

Капитан Пайе не возмутился, просто заговорил о другом:

– Следопыты нашли место переправы. Там глина, остались отпечатки подкованных копыт, конских трупов поблизости не было, значит, захваченных лошадей увели с собой. Берег проверили на пару лье вверх и вниз по течению. Вдоль Реки разбойники не ушли; видимо, двинулись прямо в саванну.

– И это всё, что вам известно?

– Как сказать. Среди местных бродят упорные слухи, что виновата шайка аргата Тубана. Аргат – это что-то вроде изверга...

– Красивое слово. Надо будет записать.

– Вы не поняли. Изверг он в том смысле, что извергнут из рода. Если ему свернут шею, никто не станет плакать и приносить жертвы духам.

– Слухи часто оказываются верными, – со знанием дела заметил репортёр. – Я бы начал именно с изверга.

– Я бы охотно посмотрел на ваши поиски. – Пайе впервые за время знакомства усмехнулся. – Этот Тубан умер лет сто назад...

Глава 2

Что бы ни болтали про воскресшего бандита эти самые гаррахи, рейд предполагался самый обычный, обычным был и отряд. Открещивающийся от своего бьющего в нос аристократизма капитан командовал восемью десятками кавалеристов, ему помогали двое давешних любопытных лейтенантов – совсем молоденький и постарше, как на глазок прикинул Поль, их с Пайе ровесник. Удача упорно обходила беднягу стороной, и до капитана он пока не дорос, хотя служил хорошо. Так, по крайней мере, утверждал доктор *де Монье*, истинный кладезь полковых сплетен, а также сведений по истории Легиона, местным обычаям, отношениям с туземными вождями и вождиками, словом, о том, как последние тридцать лет шла колонизация.

Разговорчивый Монье с молчаливым величественным санитаром и по совместительству слугой обеспечивали медицину. Кроме красавца санитаря при отряде находился ещё десяток кабиллов с побережья – эти потомки корсаров охотно шли в Легион разведчиками и проводниками-переводчиками. Природная воинственность требовала выхода, задирать кокатрисов было себе дороже, зато союз с ними давал власть над земледельцами и пастухами, а власть кабиллы любили, Дюфур понял это быстро и без подсказок.

За кавалеристами тащился обоз – несколько повозок и

дюжина тяжело навьюченных мулов; присматривал за этим хозяйством плутоватый ветеран, единственный, не считая доктора, помнивший, как двадцать восемь лет назад Легион впервые перешёл Реку. У Реки, само собой, имелось название, которое Поль зазубрил ещё в детстве, но в колониях её называли именно Рекой, и по ней проходила граница, отделявшая более или менее освоенные земли от диких. На восточном берегу располагались плантации драгоценного кофе и пряностей, западный никому особенно нужен не был до тех пор, пока вознесённый дураками и судьбой на профуканный троюродным дедом трон Филипп Клермон не вознамерился прославить своё имя в веках.

– Нет, молодой человек, сам поход получился очень увлекательным. – Даже в седле не расстававшийся с зубочисткой доктор со вкусом ковырнул в хоть и жёлтых, но крепких зубах. – Вышли отличные манёвры, на которых Легион многому научился. Но в остальном...

Поль кивнул и утёр текущий из-под спасительницы-шляпы пот. Отличавшийся редкой последовательностью Филипп успел немало: ухватил никому особо не нужный кусок саванны, вернул алеманам – надо думать, за проявленное к Клермонам гостеприимство – Иль вместе с никогда не принадлежавшей колбасникам Австразией, сбросил с Басконской колонны статую императора, отстроил за казённый счёт с полсотни снесённых революцией аббатств и дворянских усадеб, получил пинок под зад и убрался туда, откуда вылез.

Республика лишилась двух немалых провинций, зато граница колонии оказалась отодвинута в глубь материка. Пользы от перешедших под галльскую юрисдикцию жирафов было немного, и местные власти не спешили выдвигать форпосты за Реку, экономя не слишком щедрый бюджет. Прикрывавшие Шеату с запада форты пограничными только назывались, зато в них, будто в фактории, свозили слоновую кость, всяческие экзотические шкуры и прочие сувениры, на которые Поль весьма рассчитывал.

– А вот, молодой человек, и Река, – торжественно возвестил доктор. – Не то что ваша Йонна!

Всё оставшееся в метрополии в Легионе называлось «вашим» и поминалось со странной смесью пренебрежения и тщательно скрываемой обиды, но Река в самом деле впечатляла. Золотистая, ленивая, величественная, она изгибалась широкой алможедской саблей, появляясь из волнистых, подёрнутых дымкой далей и в них же исчезая. Форт с окружавшими его халупами выглядели на берегу не уместней усевшейся на парадный портрет мухи, о чём Дюфур и сказал. Доктор довольно усмехнулся и предался воспоминаниям о том, как было «тогда». Подъехал молодой лейтенант, привёз вежливый приказ, в переводе на обычный язык означавший «дай лошади отдохнуть и не путайся под ногами». Дюфур с готовностью подчинился: наблюдать за суесящимися кока-трисами было занято, но присоединиться к ним не тянуло.

Переправлялись на двух больших паромах, которые тут

держали как раз для подобных случаев. Разлѣгшийся на постеленном слугой покрывале Монье, зевая, объяснил, что каждой посудине придѣтся сделать по четыре рейса, прежде чем отряд со всем обозом окажется на западном берегу, вытащил клетчатый кабилский платок, накрыл лицо и немедленно захрапел. Дюфур взглянул на часы и взялся за блокнот. Уважающий себя газетчик прозревает будущее не хуже спиритистов, а ближайšie дни интересных читателю сюрпризов не обещали. Писать, как сотня вооружѣнных граждан Республики день за днѣм вздымает дорожную пыль, Поль не собирался, но очертить место действия будущей охоты на львов, схватки с разъярѣнным слоном и штурма древней крепости, в которой засели вооружѣнные до зубов головорезы, следовало заранее. Журналист отодвинулся от храпящей медицинской туши, хмыкнул и записал: *«В Рычащем Брюхе, самом западном из наших форпостов, отряд распрощался с последними следами цивилизации и вступил на казавшиеся бесконечными травянистые равнины...»*

* * *

Поджидавший караван местный патруль, от которого особых новостей не ждали, взял и удивил: они только что нашли тела, вернее останки, последних шести легионеров из несчастливового конвоя. Весѣленькое начало, нечего сказать. Короткие похороны того, с чем не справились падальщики, и

вереница всадников, распугивая копытную и пернатую живность, двинулась от Реки на запад. Вопреки примете, по которой штатский чужак приносит уйму неприятностей, вреда от вечно лохматого Дюфура не было, скорее уж наоборот. По непонятной ему самому причине Анри тошнило от болтливового доктора, тот же так и норовил прицепиться со своими мемуарами и максимами. Надолго затыкать Монье не выходило даже у полковника, но теперь словесный поток принимал на себя газетчик, не пренебрегавший, впрочем, и другими источниками. Дюфур втёрся в доверие к обоим лейтенантам и исхитрился по очереди поболтать с обозниками, солдатами и кабилами, после чего попытался присоединиться к разведчикам, но тем было не до разговоров, пришлось возвращаться к доктору.

Опыта походной жизни, да ещё в столь диких местах, у шелкопёра не имелось, но он не унывал, прямо на марше ухитряясь делать какие-то заметки, а уж на привалах строил, пока хватало света. Названия растений и животных, привычки местных хищников, охотничьи байки – записывалось всё. В очередной раз услышав, как Монье врёт про свои победы надо львами и гепардами, капитан не выдержал.

– Некоторые рассказы, – вмешался он, – надо классифицировать как сказки.

– Да-да, – подтвердил доктор, всюю орудуя своей чёртовой зубочисткой, – наш предводитель обоза...

– Не только и не столько обоза.

– Мой капитан, – Дюфур обезоруживающе усмехнулся, – насчёт вранья и его применения меня учить не надо. Уверяю вас, читатель скушает и попросит добавки... О! Кто это так гнусно орёт?

– Бабуины... Слыхали?

– Читал. Они собакоголовые.

– Мерзопакостные они. – Анри не удержался и в упор посмотрел на доктора. – Болтливые, бесцеремонные и навязчивые.

– В таком случае в очерке я их назову репортёрами саванны, – быстро и весело сказал Дюфур. – Кстати, капитан, не продолжить ли нам столь успешно начатое в Шеате и не устроить ли небольшие скáчки? Жара уже спала, а место располагает.

Отряд почти пересёк открытое ровное пространство, вплотную приблизившись к группе невысоких, беспорядочно разбросанных холмов, и дозорные с ближайшей вершинки как раз подавали знак, что всё спокойно.

– Скáчки? Почему нет? – Анри ласково похлопал по шее Набукко. Жеребец фыркнул, мотнул головой, всем своим видом давая понять, что неплохо бы размяться. – К лошади вы привыкли, я это вижу, и она немногим хуже моей. Так попробуйте не отстать... слишком сильно.

– Прежде всего, молодые люди, вам бы следовало... – Не дослушав очередного поучения, капитан послал Набукко вперёд, прямо в холмы, репортёр отстал на какие-то секун-

ды, и тут же в спину весело засвистели и заулюлюкали, подбадривая соперников, легионеры. Чёрт, как же давно он не участвовал в соревнованиях!

Рвётся навстречу рождённый галопом ветер, стучит в висках кровь, бьют землю копыта, зелёным атласом стелются ещё не убитые солнцем травы. Ручей, тоже весенний, не иссохший, не огибать же! Скачка становится полётом, привычно и всё равно празднично сжимается сердце, Набукко берёт препятствие с ходу и несётся дальше, туда, где вовсю машут руками разведчики.

Первый раз Анри позволил себе оглянуться уже на склоне. Рыжий Дюфура честно старался, и он действительно был неплох, но вот всадник скорей мешал, чем помогал.

Двадцать шагов разрыва, тридцать... Рыжий оступился, осёкся, вот вам и все пятьдесят! Теперь второй подъём. Тоже мне, брали и круче! Ноги Набукко мощно отталкиваются от гудящей земли, галоп переходит в бешеный карьер. Рука привычно прихватывает прядь гривы, неба становится всё больше, холма – всё меньше, а что наш репортёр? Не сдаётся, хоть и отстаёт уже совсем безнадёжно. Не сойти с дистанции, когда всё ясно, тоже надо уметь.

Вершина. С Набукко хватит, с рыжего – тем более, а Дюфура, похоже, на соревнование плюнул и просто старается правильно одолеть подъём. Да, месье, это вам не манеж и даже не ипподром... Лошадь в саванне не спортивный снаряд – сунул железо в зубы, и вперёд, с манежными замашками

тут намаешьсяя.

– Господин капитан, дозвоьте...

– Что такое, Тома?

– Здорово же вы его!

– Не скажи, на настоящих скачках он бы так легко не отстал.

Разведчики не спорят – начальство как-никак, но и не верят; они не знают другой жизни и не хотят знать, ну а последний де Мариньи? Последний *настоящий* де Мариньи?

– А вот и мы! – Если проигрыш газетчика и огорчил, то виду он не подавал, улыбался во весь рот. – Ну и безобразие эти ваши косогоры!

– Тем не менее у вас в конце стало получаться, так что не особо расстраивайтесь. Берейторы вас такому не учили, ну а мы научим, если захотите, конечно. Да, пока ждём остальных, проверьте-ка подковы, не разболталась ли какая, а то ваша лошадь на спуске оступилась.

– Неудачно дёрнул повод, – признался Дюфур. – Привык к длинному стремени, да и аллюр у ваших зверей странноват, и ещё они... коротковаты, что ли... Кончаются чуть ли не сразу после седла.

– Привыкайте. Вашим «длинным» здесь делать нечего даже в шляпах: тепловой удар, и всё. Так что отнесите к кабилам без предубеждения, отличные ведь лошадки...

– Наверное. – Вопреки совету Дюфур сперва занялся подпругой. Молодец, сообразил, что нужно подтянуть. – Стран-

но всё-таки. У таких долговязых всадников и такие короткие лошади! Кстати, нашими разбойниками не могут быть кабилы, только двуногие? Сделали по саванне крюк и ушли к себе?

– Не получается. – Анри срезал пучок травы и принялся обтирать Набукко. – Слишком далеко от их родных мест, к тому же остались следы лишь тех лошадей, что налётчики увели с собой, а пешком... Не тот народ, чтобы на своих двоих в дальние походы...

– Тогда кто?

– В своё время узнаем.

– Можно подумать, мы воюем с колбасниками и вы подзреваете меня в шпионаже. Кому я выдам ваши планы, даже будь они достойны басконца? Этим... собакоголовым? – Стайка бабуинов, проорав что-то довольно гнусное, как раз удалялась вверх по склону соседнего холма. Скоро совсем обнаглеют... и нарвутся! – Давайте так. Вы мне говорите, как мы будем охотиться, а я вас до конца похода прикрываю от повелителя клистиров. Годится?

– Не имею обыкновения поддаваться на шантаж.

* * *

Вечерний переход закончился раньше обычного – разведчики набрали на слишком удобное, чтобы его пропустить, место. Мелкая речушка обеспечивала столь необходимой

водой, а полукольцо мимоз ограничивало пространство, достаточное и для разбивки лагеря, и для выпаса лошадей и мулов.

Ужинали китой⁴ и вяленным мясом, потом капитан впервые после переправы распорядился выдать людям одеви⁵. Для офицеров и гостя нашёлся коньяк – не «Гордость императора», само собой, но вполне приличный. Потом кокатрисы разошлись по делам, а Поль остался у костра смаковать напоминающий о далёких кафе и бульварах напитков, курить и смотреть в бинокль на проступившие сквозь чернеющую синеву полужнакомые звёзды. Южный Крест висел совсем боком, время Собачьей звезды ещё не наступило, зато красный Марс и его золотая мать Юнона были хороши на диво. Почти соединившись, они стояли в зените, и от них, воровато таясь, убежал за горизонт похотливый Юпитер. Надо думать, спешил к Венере.

– Хотите ещё коньяка? – Пайе что-то бросил в костёр и опустился рядом.

– Не откажусь. – Журналист охотно отложил бинокль. – Шикарные здесь у вас звёзды... Мне перед отъездом попался роман о войне миров. Не читали? Марсиане завезли на Юнону какую-то всепожирающую гниль, из-за которой начался голод. Голодающие юнионяне из последних сил сделали

⁴ Китá – мука, размешанная в воде и поджаренная на сковородке, обычная дорожная еда в Северной Африке.

⁵ Одеви – продукт двойной дистилляции вина до выдержки в бочках.

огромную пушку и выстрелили по Марсу особым ядром. Попали в пустыню; сперва никто не обратил внимания, а потом такие же путешественники, как мы, набрали на озеро магмы. Оно увеличивалось и увеличивалось, съело полматерика и добралось до моря. В конце концов Марс лопнул, как паровой котёл, и между Юноной и Землёй закружилось кольцо обломков.

– А марсиане?

– С горя попытались захватить Землю, но у них не получилось. Корабль-ядро рухнул в дебрях Сибири и взорвался.

– Я где-то читал, что до нас добрались венериане, – припомнил легионер. – Это они построили пирамиды, и в Долине Царей, и тольтекские.

– Вы бывали в Долине Царей?

– Зачем? – удивился Пайе. – Я же не газетчик. Кстати, если вам нужны непонятные развалины, то здесь они тоже есть. Пресловутый Тубан, по слухам, гнезвился в мёртвом городе; если его наследники устроились там же, вы увидите много любопытного.

– А вы видели?

– Проезжал пару раз. В то, что такое соорудили предки нынешних туземцев, поверить трудно, но это работа не нилотов, не эламитов и тем более не ахейцев. Совершенно особенная архитектура.

Поль бросил окурочек в костёр и внимательно посмотрел на собеседника. Капитан становился все загадочней, а журна-

лист загадки любил: из них получались сенсации.

– Значит, остановимся на венерианах. Был бы весьма признателен...

Беседу прервало раскатистое рычание, разом отбившее охоту задавать вопросы. В темноте таился некто древний, неведомый и грозный, в сравнении с которым люди с их карабинами и биноклями стоили не дороже букашек. Ощущение было... унижительным, и Дюфур со злости закурил. Пайе смотрел в огонь, потом спокойно занялся револьвером; это несколько успокаивало. Рёв повторился, вызывая желание то ли натянуть на голову одеяло, заткнуть уши и поджечь ноги, то ли удрать, но удирать было некуда – рычание окружало лагерь сплошным кольцом.

– Львы. – Капитан прекратил своё занятие и с едва заметной усмешкой смотрел на журналиста. – Не волнуйтесь, они за несколько лье от нас. Как они делают, что их голоса слышны из такого далека, не представляю.

– Чёрт, этот рёв будит... Даже не знаю, как сказать, но напишу про «странные, доселе не проявлявшие себя чувства... страх перед высшей силой... ощущение себя беспомощным и беззащитным... неспособность сопротивляться...»

– Не вы один, – утешил капитан. – Что-то есть в этом рыке такое... непонятное. Бывает, люди совсем себя теряют.

– А туземцы?

– Тоже, хоть и слушают эти арии с рождения, так что не волнуйтесь, вы не трус. Вернётесь, попробуйте живописать

это кому-нибудь из учёных, может, объяснят.

– Ладно, посмотрим... А охотиться им такой концерт не мешает? Будь я на месте антилопы, летел бы прочь, не разбирая пути.

– Этот, по-вашему, «концерт» дают отнюдь не во время охоты, здесь они не глупее нас. Захочет, скажем, такой подкрепиться вами или мной, подкрадётся совершенно бесшумно...

– Не бойтесь, молодой человек. – Возникший из рыкающей тьмы доктор распространял вокруг себя спиртуозный запах. – Пока я здесь, ни один лев... Слышите, ни один... вас не сожрёт. Видели бы вы, как я стрелял этих кошек... Целился между глаз и стрелял... Вот это, приятель, настоящая охота. Найти, выследить, подкрасться и уложить... С одного выстрела! А то ведь... лев и сам не промах... этого господина надо уважать...

– *Львов*, – капитан подчеркнул это слово, – я уважать согласен. В отличие от. Дюфур, вы спрашивали, куда мы направляемся. К озеру Иоланты. Это «центр» местной цивилизации, вокруг него расположено три крупных селения. Не смотрите, что мы до сих пор встречали лишь бабуинов, всё мало-мальски серьёзное, что происходит в саванне, очень быстро становится известным у озера.

– Аг-га, – перебил доктор и икнул, – про покойников с нож-жами врать... эт'они... всегда...

Глава 3

Первая озёрная деревня производила удручающее впечатление. Может, в ней и было некое очарование простоты, но Дюфур его не заметил. Убожество, дикость, глядящие с опаской на незваных гостей обитатели – невысокие, круглолицые, одетые в доходящие до колен «юбки» из грубой ткани, совершенно *неинтересные*.

– Экзотика, конечно, – не стал скрывать своего мнения журналист, – но уж больно непрезентабельная. Годится разве что для миссионерских брошюр, а я скорей завербуюсь в Легион, чем черкну туда хотя бы строчку. Эти пасынки цивилизации и есть гаррахи?

– Они.

– Ла-ла... Хорошо хоть название терпимое, и всё равно ничего хуже этой кучи мусора мне ещё не попадалось, дикая природа здесь куда перспективней, даже бабуины... Эта местная столица, или куда мы едем, получше или просто побольше?

– Посмóтрите и решите, – пожал плечами капитан. – Любопытно будет глянуть, насколько ваши писания соответствуют действительности.

Попытка ехидства была встречена улыбкой.

– Посмотрю и решу. – Для пущей убедительности Дюфур пожал плечами, по возможности точно скопировав излюб-

ленный капитанский жест. – Если мне не хватит материала, напишу о некоем кокатрисе с лицом герцога и фамилией стряпчего. Пара намёков на роковую тайну, напоминание о том, что вступающие в Легион отбрасывают прошлое, как ящерица хвост. Особенно если за этот хвост успела схватиться полиция и...

Пайе, не дослушав, дал Набукко шпоры и умчался вперёд, к дозорным, но газетчика уже было не остановить.

– Обаятельный муж, убивший жену, может смело рассчитывать на дамское сочувствие, – доверительно сообщил Дюфур ковырявшему в зубах доктору. – В отличие от мужа верного и любящего. История потомка славного рода, похоронившего свою страсть и своё преступление в знойной саванне, обречена на успех...

– Пайе хоть и порядочный болван, – прервал полёт фантазии Монье, – но имени не менял. Он крутит амуры с податной инспекторшей и посылает деньги в Пти-Мези своей вдовой бабке. Она тоже Пайе.

Пайе из Пти-Мези... *Апри* Пайе! Как изумительно тесен этот мир!

– Вы уверены?

– В нашей экспедиции только один дворянин, – не преминул очередной раз тряхнуть своим «де» лекарь, – и это вовсе не капитан, который к тому же из любителей басконца. Как и полковник, имей это в виду. А что, приятель, думаешь об узурпаторе ты?

В вопросе скрывался либо готовый ответ, либо ссора. Доктор ждал, грозно сопя, Поль зевнул и потянулся – он учился у Жоли и патрона, а те немало позаимствовали у басконца. Добывший корону капрал знал, что можно презирать публику и вертеть ею, но никогда нельзя показывать людям, что ты их не уважаешь. «Лояльность публики – это тот же запас на зиму», а лояльность обладателя информации – это сегодняшний ужин...

– Как я отношусь к императору? – засмеялся Дюфур. – Как к старой газете. Настолько устаревшей, что кое-что из неё не грех и позаимствовать.

* * *

Вторая деревня в сравнении с давешней «мусорной кучей» казалась чуть ли не Помпеями. Кроме напоминавших перевёрнутые половники глинобитных лачуг и островерхих уродцев из слегка обмазанного глиной тростника, глаз радовало нечто похожее на приличные дома – пусть из необожжённого кирпича, зато с окнами. Целых четыре штуки, причём один подавлял собратьев величию не хуже Пале-Рояля. Мало того, вокруг него имелась ограда – правда, не кирпичная, а деревянная, украшенная черепами антилоп, шакалов и даже львов, а дворцовый фасад оживляло нечто малопонятное, оказавшееся слоновьими хвостами.

– Прежде, – брюзгливо объяснил доктор, – здесь висели

ещё и бивни, но теперь их выменивают.

– Я правильно понимаю, здесь проживает августейшая особа, и мы наносим ей визит?

– Почему бы не спросить капитана?

Это было вызовом, и Поль его принял. Возглавлявший кавалькаду Пайе как раз поравнялся с воротами, в которых прижимали ладони к груди несколько туземцев, ничем не отличающихся от тех, что попадались по дороге. Зато двое «гвардейцев», стоящих на входе в сам дом, с гордостью сжимали ружья, вернее – кремнёвые мушкеты начала века. Это было первое огнестрельное оружие, замеченное Полем у местных, и неплохой повод для разговора, если, конечно, месье из Пти-Мези захочет разговаривать.

– Интересно, – небрежно поинтересовался журналист, – наши разбойники вооружены таким же антиквариатом?

– Найдём и увидим.

– Увидим и найдём. Вы намерены посетить сию резиденцию?

– Если вы собрались здесь ночевать, то напрасно. Мы станем лагерем на холме за деревней.

– Не сказал бы, что разочарован, этот Пале-Рояль как-то не вдохновляет. Лагерь из санитарных соображений, или нам что-то угрожает?

– Всё вместе. Народ тут, сами видите, разный. Если у бандитов поблизости есть сообщники, подстроить нам пакость могут вполне: отравят лошадей или сведут. Лови потом по

саванне, кого львы не сожрали. . .

Народ на местной «виа принципалис» в самом деле был разным. Большинство составляли невзрачные гаррахи, но попадались и более представительные фигуры. Особенно выделялись высокие красавцы в сероватых балахонах и с огромными шарообразными шевелюрами, цветом лица и надменной посадкой головы напоминавшие адских духов, как их иногда воображают живописцы. На последней академической выставке наделало шуму одно такое полотно, изображавшее одержимых монахинь и их черномазого искусителя.

– Аксумиты, – объяснил, кажется, не затаивший зла капитан. – Из тех родов, что остались независимыми. Гордецы, но воины неплохие. Под шаммой – то, что на них надето, называется шамма – любят таскать всякое железо, в том числе и метательное. . .

– А с нами они как?

– Если б не внутренние распри, стали бы проблемой, а так. . . Дособачатся, или мы их придавим, или колбасники из Хабáша дотянутся. А вот и оттуда гость.

Важно шествовавший по самой середине свободного пространства туземец напоминал аксумита. Те же тонкие правильные черты, те же пугающе яркие белки огромных глаз, только ростом поменьше, не выше гарраха, да и кожа цветом напоминает не молочный шоколад, а баклажан. И балахон не свободный, а подпоясан широким кожаным поясом,

украшенным приличных размеров прямым кинжалом в кожаных же ножнах.

– Хабашит, – подтвердил подоспевший доктор, – да какой наглый...

До идущих походной рысью всадников оставалось всего ничего, но хабашит и не думал уступать дорогу, как не думает её уступать басконский бандит или вставший на мосту козёл. Нахал явно любовался собой, презирая не столько легионеров, сколько жмущийся по стенам местный сброд.

– Ну, – процедил сквозь зубы Анри, – сам выбрал...

Лошади шли ровно, голова в голову, и хабашит, продолжай он шагать как шагал, оказывался между Дюфуром и капитаном – само собой, если бы всадники сдали в разные стороны, чего никто делать не собирался. Красавец в подпоясанном балахоне горделиво следовал прежним курсом. Маяющийся от безделья у входа в ближайшую лачугу гаррах открыл рот, созерцая редкостное зрелище. Заливались лаем короткошёрстые псы, равнодушно копошились в пыли куры, останавливались и оборачивались туземцы. Хабашит шёл. Когда опережавшие всадников тени коснулись обутых в яркие сандалии ног, он вроде бы опомнился и решил слегка посторониться, только...

– Поздно, дружок, раньше надо было.

Повинуясь лёгкому касанию колена, Набукко, не сбавляя шага, немного принял влево. Глухой удар, вскрик, шлепок плюхнувшегося на утопанную землю тела, заполошное кво-

хтанье. Пайе не удостоил отлетевшего в сторону хабашиита хотя бы мимолётным взглядом, зато бездельничавший гаррах радостно засмеялся, с противоположного конца улицы визгливым хохотком откликнулись две старухи, страшные, как горгульи.

– Хм, – усомнился Дюфур, – вроде он не очень похож на дикаря, стоило ли?

– Именно что не дикарь, – отрезал, не поворачивая головы, капитан. – Мерзавец прекрасно знает, кто мы. Покрасоваться захотелось, вот, дескать, какой я храбрый, если и уступаю дорогу, то в последний момент и лишь чуть-чуть.

Теперь хохотали ещё и позади; казалось, на «проспекте» собирается стая гиен; впрочем, над упавшими смеются везде и всегда – кто-то тычет пальцем и швыряется тухлыми яйцами, кто-то пишет фельетоны, кто-то даёт интервью...

– Нам не нужно, чтобы при виде нас опрометью разбежались или там на колени падали, – Поль не требовал объяснений, это Пайе – чёрт с ним, пускай пока будет Пайе – вдруг приспичило поговорить, – но это наша территория, мы идём по ней под флагом Легиона, так что дорогу нам уступать обязаны. А кто не уважает Легион, получает своё. Да и местным полезно убедиться, что здесь не хабашиты хозяева.

Дюфур кивнул, пытаясь запомнить удачную фразу, так и просящуюся в будущий очерк. Шум за спиной не прекращался; если б журналист сейчас оглянулся, он бы увидел, как поверженный хабашит, вначале вроде бы собиравшийся

вскочить на ноги, поймал многообещающие взгляды следовавших мимо кокатрисов и замер, сидя на корточках, выжидая, когда все пройдут. К несчастью для него, замыкали колонну кабилы. Один угрожающе поднял плеть, второй, повторяя приём капитана, направил жеребца на скорчившегося неудачника. Недавний герой боком и не вставая, будто краб, шарахнулся поближе к стене. Снова раздался смех гаррахов, а кабил с гордым видом сплюнул и присоединился к товарищам.

Показалось ещё двое подпоясанных хабашитов; один, с огромной от стоящих дыбом волос головой, опирался на копье и выглядел просто изумительно, второй, постарше и без оружия, был не столь экзотичен. Попятились и отступили оба.

– Теперь я понимаю, – понизил голос Поль, – почему вы вступили в Легион. В Республике с подобными взглядами пришлось бы въехать на коне не меньше чем в Национальное собрание.

Капитан шутки не принял, и Поль ещё раз демонстративно пожал плечами.

* * *

Перед ужином Пайе преподнёс сюрприз. Поль как раз разминал затёкшую в седле поясницу, и тут появился капитан. Без мундира.

– Не хотите отыгаться за скачку?

Журналист удивлённо присвистнул, но обойтись совсем без слов всё же не смог:

– Стрельба уже была, правда, только моя. Подозреваю, тут вы меня обставите так же, как и верхом. Остаются бег, плавание, или попробуем подраться?

– Не против, если не переходить границ.

– Помилуйте, мы же не босяки, что калечат друг друга за пару су.

– Несомненно, – капитан неторопливо двинулся на середину травянистой площадки, к которой тут же бросились любопытствующие, – наши головы стоят дороже.

– И намного. Решено – головы мы побережём. – Поль сбросил куртку и пару раз топнул ногой. Конечно, не паркет у Бурсо и не булыжник столичных улиц, но достаточно ровно, а земля плотная. – Подойдёт. Сапоги у нас почти одинаковые... Начинаем?

Они встали в паре длинных шагов друг от друга, обменялись церемонными кивками и двинулись по кругу, пока только приглядываясь. То, что Пайе силен, быстр и в хорошей форме, Поль уразумел ещё в Шеате – хватило пары взглядов на крепкую фигуру, широкие плечи, мощные предплечья. И чёткие, уверенные движения: в любой момент, в любой позе, пешим и в седле, кокатрис был собран и готов к немедленным действиям. Опытный вояка, что тут скажешь, прекрасно владеющий своим оружием... Оказалось, не толь-

ко им! Выставленная вперёд левая рука и подтянутая к груди правая недвусмысленно указывали на то, что Пайе обладает навыками бокса. Надо же, и сюда добралось... Придётся побережся.

Капитан тоже смотрел и тоже делал выводы. То, что «сапожок» из драки босяков и бандитов, калечивших с его помощью друг друга и добропорядочных граждан, превратился в нечто респектабельно-модное, для Анри секретом не являлось. Ножным боем теперь баловались все подряд – и «золотая молодёжь», и богема, и добропорядочные буржуа, а вот мастеров было не так уж много. От репортёра кокатрис ждал знакомства с модным развлечением, не более того, однако грамотные передвижения и собранная стойка говорили о хорошей подготовке, а твёрдый и внимательный взгляд, в котором не читалось ни волнения, ни излишнего азарта, – о неплохом опыте. Придётся побережся.

Первым пошёл вперёд Дюфур. Короткий подшаг, ещё один, противник отходит не назад, а в сторону, отходит недалеко. Отлично – тут же следует хлёсткий удар носком сапога в голень; капитан успевает убрать ногу, но Поль и не надеялся попасть с первого раза, он просто обрушил на легионера, вернее на его ноги, град длинных, пусть и не тяжёлых, но быстрых и точных ударов. Хоть один должен попасть, а там, глядишь, и победа.

Лодыжка, голень, колено, опять голень... с обеих ног. Главное – сохранять дистанцию и не подставиться под руку.

Но попасть не получалось – капитан демонстрировал удивительную прыткость. Пусть не столь красиво и элегантно, как учат в спортивных залах, но использовать ноги в схватке умел и он. Боксёры так не научат! И ещё... точно... он ждёт высоких ударов, значит, в курсе современных веяний. Вот только мэтр Бурсо, ярый приверженец старых, ныне объявленных устаревшими методов, и ученикам прививает те же взгляды... «Чем короче, тем быстрее и эффективнее, так что нечего ноги выше пояса задираТЬ. Выбил колено – выиграл схватку».

Пауза. Перевести дух, ещё раз прикинуть, где у оппонента слабые места, и вперёд, нечего тянуть! Мимо... Мимо... Ах ты ж... Вместо того чтобы в очередной раз отдёрнуть ногу, Пайе вывернул стопу, встретив хлёсткую подсечку рантом подошвы. Получилось больно, но Поль ответил мгновенно – сменил ногу и уже слева достал-таки капитана в бедро изнутри. Хорошо получилось, чувствительно. Кокатрис попятился, борясь с болью, и тут же получил добавку практически в то же место. Победа?

Чёрт! На повторном ударе Дюфур слишком сильно качнулся вперёд в своём стремлении дотянуться до цели, и правая рука противника тут же «выстрелила» навстречу. Тяжёлый кулак врезался сбоку в ребра, сбивая дыхание, репортёра отбросило назад. И тут последовал новый сюрприз – легионер саданул газетчика ногой, причём высоко, в живот. Правда, пропущенные удары сказались, и вышел скорее тол-

чок, но с ног Поля он свалил. «Не узнать северную манеру, вот же болван!»

Дюфур откатился подальше и вскочил, мысленно ругая себя за тупость. Злость на себя вызвала злость вообще, кровь вскипела, требуя решительных действий. Справившийся с болью в бедре капитан, судя по тому, каким тяжёлым и мрачным стал его взгляд, испытывал схожие чувства.

Двое, на секунду замерев, выпрямились и... сделали по шагу назад, подмигнули друг другу и снова шагнули вперёд, теперь уже для рукопожатия.

* * *

За ужином легионеры поглядывали на Поля с уважением – таланты своего командира были им ведомы, а тут, считай, ничья. Эти взгляды помогали коньяку кружить голову. После ужина недавние соперники остались у костра, над которым висели все те же Юнона с Марсом, а вот Юпитер загорела щербатая, дурно вычищенная луна.

– В Легион приходят разные люди, – Пайе внезапно понравилось объясняться, – с разным опытом и умениями, кое-что оказывается полезным... Если б не наши парни с... сомнительным прошлым, я бы проиграл.

– Вот почему вы так умело защищались, а я-то поначалу решил, что дерусь с кулачным бойцом. – Репортёр внимательно посмотрел на собеседника. – Шуазский вариант «са-

пожка»... Высокие удары у вас полюбили задолго до того, как это стало хорошим тоном в столичных залах.

– У нас? – неожиданно усмехнулся Пайе. – Наши ребята, конечно, молодцы и уж всяко дадут фору столичным гвардейцам, но в вас я бы им посоветовал стрелять. Без предупреждения.

– Спасибо, – от души поблагодарил журналист, – но, говоря «вы», я имел в виду отнюдь не кокатрисов.

– Да? И кем вы меня полагаете?

– Правнуком шуазского роялиста и внуком генерала империи. – Если б не поединок и не коньяк, Дюфур проверил бы дневную догадку иначе и позже, но сейчас его понесло. – Кого из них вы стыдитесь?

– Колонии не благоволят к титулам, – отрезал капитан, – а титулы не благоволят к Республикам, сколько бы их ни было...

– Туше! – Дюфур приподнял несуществующий цилиндр. – И тем не менее вам любопытно, откуда этот шелкопёр знает ваших предков.

– От скотины Монье. К несчастью, идя в рейд, мы обязаны тащить с собой врача, хоть и здоровы, как кони.

– Ошибаетесь, месье доктор полагает вас обывателем из Пти-Мези. Успокойтесь, охота шла на другую дичь, вы выбежали из кустов случайно. «Бинокль», если вы вдруг не знаете, в дружбе с нынешним премьером и время от времени грызёт его противников. Позапрошлой осенью мы взяли за

легитимистов, среди которых обретался некто де Мариньи...

– Чёрт!

– Что вы сказали?

– Ничего.

– Отлично. Мой коллега Руссэль занимался политическими делишками наших героев, я по старой дружбе справился в полицейской префектуре, а ведущий светскую хронику взялся за родословные. Реставрация породила целую армию «дворян», ведущих свой род от Карла Святого; если им указать на прадеда-старьёвщика или лакея, они впадают в неистовство. Прадед нынешнего де Мариньи оказался шорником, сын шорника завербовался в армию Первой Республики, затем примкнул к басконцу и женился на сестре своего полкового товарища, вашего деда, если вы вдруг не знаете.

– И что с того?

– Ничего, кроме того, что, когда из алеманского сундука вытащили Клермонов, внук шорника вспомнил, что он ещё и внук маркиза – участника Шуазского мятежа, то есть, простите, восстания. Во времена Империи семейство процветало, денег и связей хватало, так что будущий маркиз де Мариньи был принят любителями Клермонов с распростёртыми объятиями. После Реставрации он обратился с ходатайством о титуле и получил желаемое. В немалой степени потому, что единственный наследник погибшего роялиста по мужской линии, генерал Анри Пайе де Мариньи, оставаясь приверженцем покойного императора, не пожелал менять полу-

ченный от него титул на фамильный.

Разыскать вдову генерала мы не успели – отпала необходимость. Депутат де Мариньи, брат и наследник нынешнего маркиза, попался на малопочтенных махинациях и освобожден округ по настоянию собственной фракции. Тем не менее до того, что настоящие де Мариньи, продав имение, переехали в Пти-Мези, мы докопались. Я не сразу вас опознал, потому что Пайе в любезном отечестве как грибов, но сочетание имени, фамилии, места, манер и имперских взглядов, о которых мне в самом деле разболтал доктор, выдают вас с головой. Что скажете?

– Спокойной ночи. С утра тряхнём здешнего царька и тут же начнём охоту. Постарайтесь выспаться.

Часть вторая

Глава 1

Охота затягивалась. За полтора месяца Дюфур немало преуспел в верховой езде по-кокатрисски, с помощью кабила-переводчика освоил до сотни туземных слов, узнал, что шакалы охотятся парами, и извёл полдюжины блокнотов на разную дребедень. Ничего по-настоящему интересного не происходило. Приближался сезон дождей, а отряд всё ещё бестолково метался от следа к следу, благо таковых находи-

лось в избытке.

Журналист сам не понял, когда заподозрил обман. Кажется, углядев в бинокль львиное семейство. Не первое, первое репортёру показал капитан неподалёку от самой южной из приозёрных деревень, прозванной Подем из-за обитающего там миссионера Сен-Бабуин.

Исполненный азарта отряд как раз перевалил невысокую гряду, направляясь по подсказке местных к некоей Одинокой горе, возле которой охотники видели подозрительных всадников. Дюфур, борясь с зевотой, слушал доктора, возмущённого самим фактом существования миссионера. Эскулап брызгал слюной и не то требовал, не то лично собирался извести мракобесие и мракобесов. Затянувшийся монолог прервал Пайе, протянувший репортёру свой бинокль. В светлом круге топорщилось сухое дерево, у подножия которого разлеглись царь саванны и несколько цариц. Соблазн был огромным, но от охоты всё же отказались. Капитан заверил, что, покончив с бандой, они займутся львами, и отряд обошёл «львиное дерево» стороной. Тогда казалось, что приз скоро будет в руках, и в самом деле на подъезде к Одинокой двойной выстрел оповестил о первой находке.

Неприметная расселина на южном склоне услужливо сберегла отпечатки сандалий на более сырой, чем в других местах, почве и порубленный то ли саблей, то ли тяжёлым ножом кустарник. Прочесали окрестности и наткнулись на небрежно заброшенное землёй кострище. Большое, одино-

кий охотник такого не оставит. Проводник из местных и разведчики, посмотрев и даже понюхав золу, вынесли вердикт: горело дня четыре назад, возможно – чуть больше.

Разбойники, да ещё столь увёртливые, не могли не выставить часовых. Выше по склону у здорового валуна виднелось подходящее место. Проверили – за каменюкой кто-то в самом деле топтался и жевал свою жвачку. Тома, лучший следопыт отряда, даже щепочку подобрал – похоже, откололась от разошедшегося приклада. Оставалось разослать разъезды и дожждаться тех, кому повезёт.

«Если аргаты пересекут небольшое горное плато, – объясняли, само собой, на свой лад проводники, – то на его дальнем конце будет заброшенный город. А если свернут на юг, могут добраться до джунглей. Там тоже есть городище, только о нём ничего не известно. Даже самые древние старики не ходили туда и не помнят тех, кто там бывал. Только слухи передаются, и слухи жуткие. О белых тнях, выпивающих человека так, что остаются лишь кости в мешке из высохшей кожи, о бесплотных голосах, делающих из взрослых мужчин несмышлёных детей, о камне, тронув который мужчина становится бесплоден, а женщина беременеет семью бабуинами», и прочее, и прочее...

Очередные следы – зацепившиеся за колючки клочки полотна, прохуdivшаяся фляга и ещё одно кострище – указывали на плато, куда легионеры с некоторым облегчением (кто их знает, эти «белые тени») и повернули. Гаррахи-проводни-

ки старались изо всех сил. Пока один бежал в голове колонны, рядом с первыми всадниками, второй отдыхал на обозной повозке, потом они менялись.

– Будь это аксумиты, – не преминул просветить репортёра не прекращавший бурчать доктор, – им бы и отдых не требовался.

Поль позволил себе усомниться, но капитан подтвердил: худощавые аксумиты в самом деле удивительно легки на ногу, а их выносливость просто непостижима.

Что до Дюфура, с него хватало гаррахской выносливости и прыти. Отряд шёл от следа к следу, словно свора гончих. На ветвях высокого, лошадям по холку, и вдобавок колючего – рубашку пришлось менять, а руку перевязывать – кустарника нашли ещё пару лоскутьев и светлый конский волос, а когда треклятые колючки расступились, головные всадники едва не налетели на неспешно удаляющихся львов. Капитан напомнил о зарке, а Полю ни с того ни сего подумалось, что им не попалось ни единого отпечатка копыта, а большинство находок вопреки репутации Тома были на счету гаррахов. Может, они бегали и похуже аксумитов, но идти в авангарде и подбрасывать ложные следы могли запросто. Поль хотел поделиться своими подозрениями – не успел. Отряд был на подходе к плато, вынужденные пробираться в нагромождении каменных глыб кокатрисы растянулись длинной цепочкой, и тут впереди недвусмысленно грохнуло.

Один раз, потом другой... Движение остановилось, про-

гремел ещё с десятков выстрелов – заговорили карабины легионеров. «Прикрывают, – объяснил Монье, – чтоб не высу- нулись, пока засаду обходят. В скалах гады, вон там, спра- ва...» Минут через пять доктор лихо ткнул пальцем вверх:

– Видите? Вылезли – значит, всё.

Действительно, со склона махали руками светлые фигур- ки. Поймать никого так и не удалось, несмотря на все ста- рания. Кто-то засевший в скалах выпалил по колонне шагов этак с двухсот, ни в кого не попал и тут же удрал. Или удрали.

– Какого дьявола им понадобилось? – злились легионе- ры. – Два выстрела всего-то, причём впустую, и бежать. Ну и ерунда...

Оказалось, не совсем. Гаррахи, пряча взгляд, объяснили, что те, кто впереди, теперь уже точно идут к перевалу Духов, за который ходят только аргаты. Если их не нагнать по эту сторону гряды, по ту уже не нагонишь. По крайней мере они, проводники, туда не пойдут ни за деньги, ни даже за насто- ящий карабин с клеймом. И под угрозой смерти не пойдут, всё равно пропадать, так уж лучше от чистого железа, чем от того, что живёт на той стороне.

Пайе скривился и рванул с двумя десятками наперерез по скалам. Отделаться от Дюфура капитану тем не менее не уда- лось.

Бросив лошадей, они прыгали по камням, точно обезья- ны, с помощью верёвок перебирались через трещины и взби- рались на отвесные стены, лишь бы оказаться у перевала

раньше бандитов. Один легионер сломал себе руку, другому едва не раскроило череп рухнувшими сверху камнями, сам Поль чуть не сорвался с обрыва. И что? Как дураки, просидели в засаде три дня, пока обычным путём к перевалу не вышел основной отряд. Удивлённые, ещё не верящие в обман, они бросились прочёсывать дорогу в обратном направлении – напрасно. Да, пара человек там проходила, ну, может, трое. Выстрелили и растворились в саванне, предоставив простакам с высунутыми языками мчаться по ложному следу.

– Капитан, – решился на разговор Дюфур, – вам не кажется, что нас провели?

– Проводники выполняли приказ своего царька, черти б его побрали, а я тоже хорош... И ведь почти сообразил, что не лошади впереди нас идут. Ни следов, ни навоза, а тут стрельба и перевал этот дурацкий. Они его в самом деле боятся, тут вранья нет. Ладно, утром поворачиваем... Заглянем в, как вы выражаетесь, Сен-Бабуин, а потом – к царьку. На сей раз старой обезьяне не отвертеться.

* * *

Теперь они не въезжали в деревню как не слишком желанные, но всё-таки гости, а врывались как солдаты – к врагу. Три десятка легионеров и кабилы обошли Сен-Бабуин, чтобы никто не вздумал удирать; остальные, для остротки

пристрелив пару затяжавших псов, двинулись напрямик к дому старейшины. Вид всадников, готовых в любую секунду начать стрельбу – и не факт, что по собакам, – привёл гаррахов в смятение. Бежать никто не пытался: все забились по своим хижинам, даже вездесущие дети носа наружу не высовывали.

Старейшина и вся его компания – помощник, жрец, полдюжины сыновей, зятьёв и племянников – были в сборе, причём штаны господина местного «мэра», если б он их носил, имели все шансы стать мокрыми. Капитан это заметил и налетел на струсившего пройдоху, как лев на антилопу. Былой снисходительной вежливости не осталось и в помине, Пайе не спрашивал – он обвинял: гаррахи ввали, вводили в заблуждение, подделывали следы, то есть препятствовали действиям колониальных властей. И ещё стреляли. По легионерам.

Тут старейшина дёрнулся и подал голос. Ещё бы, стрелять по кокатрисам – это может кончиться плохо, очень плохо и для деревни, и для собственной коричневой шкуры. «Мэр» затараторил с таким надрывом, что Дюфур не разобрал даже знакомых слов; Кайфа́х, кабил-переводчик, и тот едва справлялся с хлынувшим на него ливнем жалоб и оправданий.

Какие выстрелы? Помилуйте! Ничего подобного никто из жителей деревни и в мыслях не держал. Они мирные люди, живут под защитой Легиона, ни с кем не воюют, ну какая тут стрельба? Из чего?! Это все разбойники! Они хитры, ковар-

ны, им покровительствуют злые духи...

– Стой, – вцепился в последние слова капитан. – Откуда известно, что хитры и коварны? Что, приходилось дело иметь? Почему в прошлый раз об этом ни слова не сказал? Ну-ка, давай рассказывай всё!

Кайфах не успел перевести, а старейшина уже прижал руки к груди и понёс что-то о шайке, которую никто из живых не видел, но все знают – она есть, её главарь – изверг, он не знает жалости ни к кому, ля-ля, ля-ля, ля-ля...

Поль слушал и закипал: ах ты ж тварь лживая! Люди чуть себе шеи не посворачивали, когда пытались перехватить этих мифических «аргатов», а им то тряпочку, то плевки из жвачки подсовывали... Как ослу морковку на палке. А они ещё, как дураки, радовались, что следы ведут не в эти чёртовы джунгли.

Пайе байки про страшного Тубана тоже надоели. Рыкнув на прощанье: «Всех под замок!», капитан выскочил из резиденции «мэра».

– Что-то не то, вот чую, и всё! – бросил он неотвязному Полю. – Чтобы так всех запугать, надо столько натворить, что до нас бы не отдельные слухи докатились, а целый эпос.

– Он хоть как-то объясняет, почему про такого душегуба не вспоминали до последней весны?

– Раньше, дескать, шайка бесчинствовала у самого Хабаша, а это далеко. И они сами тут мало знают, но очень, очень боятся, ведь если что, Легион не успеет, всех вырежут. Вот и

молчали, надеялись, что господин капитан и его люди и так, по следам, найдут шайку и перебьют.

– Я правильно понял, что он ни в чём не признался?

– В том, что нам дурили голову здешние, нет.

– Куда сейчас?

– В миссию. Может, хоть от святого отца толк будет.

* * *

В маленьком очень чистом дворе было полно цветов и вьющихся растений. Тоже маленький и чистенький монах снял садовые перчатки и плетёную шляпу и приветливо улыбнулся. Он очень много знал о цветах и куда меньше о том, что творится за стенами его миссии. Выслушав про связавшихся со злыми духами разбойников, главарь которых то ли воскрес, то ли украл имя и силу мёртвого злодея, миссионер скривился, но безобидность своих здешних подопечных подтвердил и то, что они очень, ну очень сильно напуганы, признал. Кем и чем? Разъярёнными кокатрисами или чем-то другим? Любитель цветов пожевал губами и объяснил, что о возвращении отряда в деревне не говорили, но две недели назад приходила женщина и просила бога сильных людей перевести через мост Мёртвых её мужа-охотника, пропавшего в саванне вместе с двумя другими мужчинами. По словам женщины, вдовой её сделал Тубан.

– Если она вообще вдова, – усомнился Дюфур. – Пропав-

шие могли идти впереди нас и развешивать на кустиках лоскутья.

– Могли, – согласился капитан. – Но теперь впереди нас никто не победит.

Деревню обложили, как вражескую крепость, привлекли в помощь миссионера и принялись перетряхивать всё и вся. Вечер, ночь и следующее утро были убиты впустую – ничего подозрительного раскопать не удалось, и никто из гаррахов ни сказал ничего, за что можно было зацепиться. Трясущиеся от ужаса туземцы, как молитву, повторяли одно и то же: пришёл Тубан, пришла беда. Те, кто видел аргата, мертвы. Те, кто видел его людей, мертвы. Разбойники убивают всех. Почему? Потому что аргаты. Ходят через перевал Духов, духи убивают, и они тоже убивают...

Повторяли рыбаки, охотники, старики, дети – все, и все боялись, это бросалось в глаза.

– Странная история, – в конце концов засомневался и Поль. – Не могут же они сами верить в своё враньё, а они верят.

– Зато я не верю, что счастливые обладатели двухсот с лишним тысяч золотом останутся любоваться этим богатством в саванне, – отрезал Пайе. – И ещё я не верю, что гаррахи способны такое повернуть сами, хотя на побегушках быть и могут. Хабашиты с аксумитами за Реку не заходят. Я уже о своих подумывал, только все, кто уцелел, – в Алможеде.

– Тогда остаются черти, – хмыкнул журналист. – Но доктор запишет нас в мракобесы.

– Сначала вывернем наизнанку царька. Он первым навёл нас на «следы», возможно, с самого начала был заодно с грабителями.

– Я как-то не понял, что он вообще собой представляет? На первый взгляд ни рыба ни мясо, но посох у него роскошный – хоть сейчас в Оперу.

– Род их всегда тут верховодил, вот и таскает символ власти; странная штука, даже вы обратили внимание. Надо думать, осталась от каких-то древних царей. Гаррахи ж не всегда таким несчастьем были, города строили не хуже аксумитов, а нынешний заправила себе на уме, на хабашитов поглядывает. Мы местными делишками особо не интересуемся, а Хабаш с колбасниками не так уж и далеко. Если бы конвой пропал здесь, я бы знал, кого трясти.

– Так больше всё равно некого. Конечно, не моё дело, но здешнего «мэра» я бы тоже без присмотра не оставлял, охотники-то пропали.

– Почтенный старейшина отправится с нами. Соберём всех вместе и посмотрим. Святой отец тоже не помешает.

– Как бы цветы без него не завяли, – усмехнулся журналист. – А с остальными что?

– Пока ничего.

Уже в сумерках, для острастки пристрелив и зажарив несколько мелких местных коз, легионеры двинулись в «сто-

лицу». Пришлось поторапливаться – новость о рассерженных людях с ружьями не должна была их опередить.

Глава 2

Их всё же опередили, хоть и не так, как опасался Анри. Вернувшиеся разведчики только и смогли, что прохрипеть: «Господин капитан, всех... да... точно всех...»

Потом Тома тряс головой, глотал из чужой фляги, позабыв про свою, так и висевшую на поясе, и пытался докладывать. Его слушали и молчали, слов не находилось даже у Монье, и дело было не в смерти – с ней в Легионе давно свыклись, просто смерть всегда являлась к кокатрисам сама, а сейчас они вторглись в её владения. Когда лицо разведчика начало багроветь, капитан ровным голосом велел вернуть флягу и доложить, как того требует устав. Легионер вздрогнул, вскинул руку к кокарде и очнулся. Он был отличным разведчиком, капрал Тома, и, прежде чем погнать коня к своим, проехал главной улицей до «Пале-Рояля». И вошёл.

Налитые кровью глаза «ели» начальство, а ставший деревянным голос бубнил, что селение вырезано подчистую – люди, домашний скот, собаки, птица до последнего цыплёнка. Что мёртвые так и лежат, где их настигла смерть. Что многое сторело, но «дворец» – нет. Что убийцы не взяли ничего даже у царька. Что чужаков не обнаружено, только следы неподкованных лошадей и стервятники. Кружат, но пока не

спускаются.

– Ясно. – Пайе обернулся к Полю. – Вам лучше остаться с обозом.

– Ну уж нет! Я не для того...

– Как хотите! – Капитан приподнялся в стременах. – Вперёд. И смотреть в оба.

Легионеры входили в «столицу» с оружием на изготовку, они могли, нет, они хотели немедленно вступить в бой, а их встречала тишина, с полным правом называвшаяся мёртвой. Чадили уголья на месте сгоревших хижин, нареzáли в небе круги падальщики, лениво гнал вдоль «виа принципалис» пыль несильный ветер. Дым и пряный аромат близкой саванны пока глушили запах мертвечины, а кровь успела свернуться и почернеть.

– Выставить посты, – хрипло, кажется, сегодня охрипли все, велел Пайе. – И со стороны озера тоже. Первый взвод со мной. Кайфах, ты со своими – тоже. Остальным прочесать деревню. Меньше чем по трое не ходить. Искать выживших, искать следы, искать... всё, что даст понять, какая чертовщина здесь творилась.

Фыркали и прижимали уши, переступая через тела, лошади, кривлялись короткие уродливые тени, порой с небес раздавался резкий птичий крик. Дорога была знакомой и единственной. От похожего на бутылку дерева к «Пале-Роялю». На полпути капитан не выдержал, закурил, и именно поэтому Поль выдернул руку из кармана, в котором держал порт-

сигар.

Ехали молча, кто-то глядя прямо перед собой, кто-то – опустив глаза, но Дюфур заставлял себя смотреть и запоминать. Получалось с трудом, хотя за спиной медика-недоучки остался анатомический театр, а в начале репортёрской карьеры он видел трупы и «постарше», и пострашнее. Но не десятками на залитой равнодушным солнцем земле и не вперемишку с располовиненными козами и псами.

Противно закрипела на ветру запутавшаяся в опалённых ветвях старого дерева плетёнка, и тут же хрипло, грубо и при этом по-детски растерянно выругался здоровенный легионер – рядом с очередным пепелищем лежал безголовый хабашит в щегольских сандалиях, может быть, тот самый, а может, и другой, но он пытался драться – тёмная рука сжимала какое-то железо... Бедняга! Внезапно журналист понял, что крестится – впервые за чуть ли не двадцать лет, но, похоже, этого никто не заметил. Через дорогу черепахой проползла хищная тень. Почему грифы, или как их там, не спускаются? Дым?

В пыли что-то тускло блеснуло, что-то выпуклое и светлое... Не глина и не стекло... Остатки черепа с ограды. Бывшей ограды – столбы повалены, черепа-талисманы разбиты, осколки белеют на утоптанной земле, рядом нелепыми дохлыми змеями скорчились слоновьи хвосты. У входа обезглавленные тела стражей, их смешные ружья валяются рядом. Кто-то проверяет: «Успели выстрелить, капитан. Мо-

жет, в кого и попали».

* * *

Внутри «Пале-Рояля» первыми проскочили кабилы и через полминуты вышли, цокая языками: там тоже – всех. И голову старейшине снесли. Один со знанием дела уточнил: «Очень хорошо отрубили, ровно, одним ударом. Очень, очень умелая рука была».

– Какая бы рука ни была, от этой «хорошо отрубленной» ответов не дождёшься, – натужно пошутил Дюфур. – Но я бы с вашего разрешения всё-таки глянул.

– Умеете вы удивить. – Пайе запустил окурком в хвост-змею. – Признаться, думал, вас вывернет наизнанку.

– Если меня и выставили с медицинского, то уж никак не за слабый желудок. Обратили внимание на раны? Что скажете?

– Кабилы правы, мастера орудовали: ни у одного покойника нет двух ран, каждого с первого удара валили. И сабли слишком хороши – обычной здешней железякой *так* людей не покромсаешь.

– Но лошади некованные, – подхватил Поль, – значит, не колбасники и не наши друзья кабилы.

– И мне так думается. Аксумиты с хабашистами верхами не горазды, про гаррахов и говорить нечего. Что, репортёр, хороший материал?

– Завязка великолепна, но в конце неплохо бы ублюдков поймать. Так я могу войти?

– Идите, позже я к вам присоединюсь. Тома, проводи меня.

В прошлый раз Поля больше всего поразило, что сидели не на полу или каких-нибудь шкурах, а на обыкновенных, хоть и жутко скрипучих табуретках. Табуретки уцелели, а вот хозяева... Палачи первых Клермонов и механики Первой Республики обзавидовались бы сноровке убийц из саванны.

Поль заставил себя тронуть обезглавленное тело в богатой расшитой рубаше с широкими рукавами – таких он здесь больше ни на ком не видел. В остальном гаррахский царёк ничем от своих соплеменников не отличался, разве что был малость поупитанней. А вот глаза журналист запомнил, насторожённые глаза на преисполненном чувства собственной значимости лице. Гаррах прижимал руки к груди, вздыхал и объяснял, что саванна большая, иди куда хочешь, а про Тубана он только слышал. Все слышали. Жесткий этот Тубан был и подлый, но давно. Очень.

«Мы – мирные земледельцы и охотники, – переводил Кайфах, – разбойников среди нас нет. Да, когда-то плохое случилось, но сейчас даже аргаты боятся вашего гнева и уходят на юг...»

За плечом витийствующего царька хмурился широкоплечий молчун средних лет. На боку и мощной груди красовались глубокие шрамы, выдавая охотника, да и мышц таких,

ковыряясь в земле или бездельничая, не нарастишь. Ещё один, видимо жрец, маленький, худенький, с массой побрякушек на шее, груди и руках, пристроился в углу. Все были безоружными, только старейшина, начиная разговор, положил перед собой причудливый посох. Репортёру очень хотелось рассмотреть диковину поближе, теперь желание сбылось – окровавленный, но целёхонький посох валялся возле трупа, поражая тонкостью резьбы. Набалдашник в виде слоновьей головы тянул хобот к мёртвому охотнику. Этот, похоже, сопротивлялся, но непонятные враги оказались удачливей и львов, и слонов. Поль прикрыл глаза, пытаясь припомнить всех, кого видел на «приёме», если не в лицо – различать гаррахов он ещё не выучился, – то по приметам. Среди мертвецов явно не хватало «жреца», и потом – перед «банкетом» к гостям выводили каких-то детей, у старшей девочки был детёныш гепарда...

– Тома, – окликнул журналист, – вам не попадался жрец или что-то в этом роде? Сухонький такой и весь в амулетах... И, по-моему, тут не все дети.

– Точно, месье! Может, прячутся? Попы, они ведь дошлые, хоть наши, хоть тутошние...

Жрец, двое мальчишек лет семи-восьми и девочка, так и не расставшаяся со смешным пятнистым «котёнком», нашлись между стеной «дворца» и чем-то вроде сарая. Смерть добралась и сюда. Кажется, дольше всех жил маленький гепард, жил и полз, оставляя кровавый след, и пасть его была

оскалена.

– Что тут у вас? – раздражённо окликнул Пайе.

– Те, кого не хватало в залах. Это будет паршивый фельетон, капитан. По правилам принцесса должна уцелеть...

– Значит, сёстры нашего дофина тоже не знали правил. Как и революционный трибунал... Что думаете? Куда они собирались? Угол глухой, если бежать, так к озеру.

– Потеряли голову от страха?

– Может быть. И всё-таки... Тома, Кайфах!

Искали человек двадцать, но обнаружил тайник Тома – простенький, достойный туземцев тайник-колодец с обшитыми досками стенами. Судя по всему, разбойники до него не добрались. Капрал, довольный своей находкой, приволок верёвку. Кабилы страховали сверху, разведчик возился внизу, потом крикнул, что нашёл пропавшее золото. Вместе с кокатрисскими карабинами и всяческим любезным сердцу гаррахов барахлом.

* * *

Выбравшийся из тайника капитан хмуро обронил, что казначейские печати на мешках не тронуты. Находка была важной, необъяснимой и... единственной. Доклады обшаривавших «столицу» легионеров разнообразием не отличались и ничего хорошего не принесли. Как и ничего нового.

– Капитан, ни одного живого...

– Младенцев – и тех кого порубили, кого оземь. И стариков, где кто был...

– Слепого и одноногого помните? Как сидел на своём месте, так и развалили от плеча. И живность тоже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.